

ШТРИХИ ХАРАКТЕРА

КОГДА я думаю о Самеде Вургуне, в памяти живо воскресает такой эпизод:

Около 20 лет назад в одном из московских творческих клубов происходила встреча артистов нашего театра с Самедом Вургуном. На всех нас болезненно подействовало появление одного московского поэта, человека одаренного, но в последнее время сильно опустившегося. Он заглянул, но, увидев, что Самед занят, быстро ушел.

Один из антеров, желая разрядить обстановку, легкомысленно и пренебрежительно бросил по адресу заглянувшего: «А ведь неплохой был поэт!».

Трудно описать, что произошло с Самедом после этой бестактной реплики. Он весь преобразился, вспыхнул, глаза его потемнели, в голосе появился металл, когда он гневно сказал, что «поэт был и остается поэтом», что он не позволит в своем присутствии оскорбительных выпадов по адресу художника и требует, чтобы человек, оскорбивший его друга, покинул помещение.

Самед Вургун долго не мог успокоиться, и прошло немало времени, пока прерванная беседа снова вошла в нормальное русло.

Может быть, сам по себе этот факт и не так уж значителен, но в нем отразилось многое, чрезвычайно характерное для личности Самеда Вургун: его благородство, его верность дружбе, уважение к творческой личности, глубокая вера в человека, нетерпимость к злословию...

Мое знакомство с Самедом Вургуном, перешедшее затем в длительную творческую дружбу, началось в годы Великой Отечественной войны. В номере гостиницы «Москва» впервые встретился я с автором увлекшей меня пьесы «Фархад и Ширин». Совсем молодой, начинающий режиссер, осуществивший в то время всего одну постановку, я пришел к известному поэту, дважды лауреату Государственной премии просить разрешения поставить в новом, только еще формирующемся театре им. К. С. Станиславского его замечательную драматическую легенду.

Самед Вургун слушал меня очень внимательно и, я бы сказал, совершенно необычно, своеобразно. Чувствовалось, что он не просто слушает, а за словами видит нечто большее, что его воображение поэта дополняет и расширяет рисуемую картину. Уже тогда, в эту первую встречу меня поразило уважение поэта к собеседнику, его доверие к нему, все то, что при-

давало беседе сердечный, задушевный характер. Ах, как часто этих качеств не хватает многим нашим деятелям культуры!

На всем протяжении работы над постановкой — и в подготовительный период, и во время репетиций, и в процессе выпуска спектакля — Самед проявлял себя хотя и требовательным, но необычайно бережливым и тактичным автором. Он был всегда внимателен и чуток и к работе режиссера, художника, композитора, и, конечно, особенно трепетно относился к исполнителям центральных и эпизодических ролей. Его искренняя вера в большие возможности коллектива, его дружеская поддержка в трудные моменты поисков (а работа была сложная и не всегда шла гладко) создавала творческую, радостную атмосферу на репетициях.

Самед Вургун был верным, преданным другом. Он умел хранить это великое чувство на протяжении многих лет. С момента выпуска спектакля прошло много лет, но не было ни одного случая, чтобы Самед, приезжая в Москву, при всей своей занятости, не нашел нескольких часов для встречи, для дружеской беседы. Он был немногословен, и часто во время этих встреч надолго воцарялось молчание, но оно никогда не было тягостным. С Самедом даже молча было интересно общаться. И в то же время он был исключительно чуток к собеседнику, улавливал тончайшие нюансы настроения, подтекст беседы. Он всегда мыслил во время встречи и, как я уже отмечал, умел великолепно слушать. Как и все, что он делал, Самед слушал творчески, активно, с участием и сочувствием. Встреча с ним овежала, как чистый горный воздух. Во всем, что делал Самед, он был прежде всего поэт, мыслитель, философ, но все эти высокие качества неожиданно сочетались в нем с поразительной человеческой непосредственностью, с большой доступностью, с полным отсутствием позы.

Я никогда не забуду, как запросто подходили к нему на улицах Бакану, на шоссе, на маленьком базарчике предместья совершенно незнакомые люди. Подходили, как к близкому другу, старшему брату, отцу. Делились своими радостями и горестями, спрашивали совета, получали поддержку. Эта удивительная популярность поэта, я помню, буквально потрясла меня. Ведь тогда, в 1944 году, Самед был довольно молод (ему не было и 40 лет!), не носил высокого звания народного поэта Азербайджана, но уже и тогда он был подлинным народным поэтом, в самом глубоком и истинном смысле слова.

Ю. МАЛЫКОВСКИЙ,
заслуженный артист РСФСР.

МОСКВА, 1966 г.

Вакансий рабочий

21 МАЯ 1966